

ВАЛЕРИАН МАРКАРОВ

Все́му своё время

18+

Валериан Маркаров

Всему свое время

«Автор»

2018

Маркаров В.

Все́му свое время / В. Маркаров — «Автор», 2018

Жизнь молодого английского доктора Артура Смита изменила всего одна встреча. Новый пациент, страдая неизлечимой болезнью, умоляет его «помочь» уйти из жизни. Решится ли сердобольный врач на такой шаг ради облегчения участи страждущего? Дочери пациента, красавица Эйрин и беспокойная Рэйчил, сыграют решающую роль в поворотах судьбы главного героя. Книга до самого конца держит читателя в напряжении, а внезапно раскрывшиеся семейные тайны приводят к интригующей развязке.

© Маркаров В., 2018

© Автор, 2018

Содержание

ГЛАВА 1. Эйрин	6
ГЛАВА 2. Кэтрин	13
ГЛАВА 3. Рейчил	20
ГЛАВА 4. Артур и цыганка	28
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Валериан Маркаров

Все́му свое время

«Все́му свое время, и время всякой вещи под небом:
время рождаться, и время умирать;
время насаждать, и время вырывать посаженное;
время убивать, и время врачевать;
время разрушать, и время строить;
время плакать, и время смеяться;
время разбрасывать камни, и время собирать камни;
время обнимать, и время уклоняться от объятий;
время искать, и время терять;
время молчать, и время говорить;
время любить, и время ненавидеть;
время войне, и время миру».
Царь Соломон.

ГЛАВА 1. Эйрин

– С днём рождения тебя, папа! – молодая женщина в зелёном шарфе, повязанном поверх элегантного кашемирового пальто красного цвета, легко ступив в палату, склонилась над больным и, нежно обхватив его за шею, мягко прикоснулась своими пухлыми губами к его щеке.

Он лежал в небольшой палате, в которой основное место занимала кровать с надувным матрасом, что автоматически подкачивался воздухом, если больному меняли позу. Кнопки по бокам кровати позволяли регулировать изгиб, а также поднимать или опускать её поверхность.

Напротив кровати, на стене, висел небольшой плоский телевизор, окруженный по бокам разными картинками, а под ним были аккуратно расставлены мягкие стулья для посетителей. В углу палаты – туалет с душевой кабинкой и всеми необходимыми для гигиены принадлежностями.

Рядом с кроватью примостилась одинокая белая тумбочка с пультом, с помощью которого можно было включать или выключать свет, либо только приглушать его, регулировать громкость и каналы телевизора, или, если это необходимо, вызвать медсестру.

На стене, за изголовьем кровати, неутомимо мигала своими жёлтыми индикаторами различная аппаратура, датчики с мониторами, а также какое-то приспособление для капельницы, отнимающее, вероятно, поверхностный сон у всех здешних обитателей. Именно оно очень громко пищало по любому поводу, сигнализируя медсёстрам о том, что либо трубка предательски перегнулась, либо вводимое лекарство вот-вот закончится.

Вошедшей женщине на вид было лет двадцать пять. Среднего роста и изящного телосложения, в ней таилось что-то завораживающее, истинно кельтское. Она любила свои красивые волосы и с гордостью их носила – невероятного, ослепляюще золотистого, переходящего в рыжий, цвета, очевидно считая их одним из своих богатств, которое она бережно хранила и за которым ухаживала без особой сложности.

Обладая добрым лицом с ровным носом, на мир она глядела открыто своими глубокими, зелёного цвета, глазами, под которыми было рассеяно небольшое количество мелких, задорных веснушек. На висках её можно было увидеть просвечивающиеся голубые вены под тонкой белой кожей. Мужчины, наверное, не отнесли бы её к эталону красоты, однако, пообщавшись с ней лишь некоторое время, пронизательные представители сильной части человечества непременно подмечали ее безупречный вкус, хорошие манеры настоящей леди, умение красиво говорить, её обаяние и притягательность! Знали бы они ещё, что Эйрин отлично двигается в танце, играет на фортепиано и гитаре, увлекается фотографией и довольно уверенно держится в седле!

– Ты ведь помнишь, какое сегодня число? – спросила она, не отводя взгляда от его потемневших глаз. – 17 марта! Тебе сегодня 65, папа!

– Я скорее помню, что сегодня день Святого Патрика, – гордо сказал он. – Как там парад? Ты сделала фотоснимки?

– Да, конечно, папа. Специально для тебя поднялась на балкон в Bullring, в Digbeth. С него открывался замечательный вид на участников парада.

Она стала демонстрировать ему фотографии со своего новенького iPhone 8. Одну за другой.

– Поднеси поближе... Ага, вот так... К счастью, воды городского канала не окрасили зелёным цветом, – произнес он. – И, уверен, в пубах желающим сегодня тоже не предложат зелёного пива...

– Да, это было бы уже слишком. Мы ведь не в Нью-Йорке или Бостоне. Достаточно того, что в одеждах и в украшениях преобладают цвета НАШЕГО флага – зелёный, белый и оранжевый. А пиво льется рекой... Так и должно быть!

– Расскажи, как всё начиналось?

– Как всегда, папа, парад открывал лорд-мэр Бирмингема вместе с самим Святым Патриком, нашим небесным покровителем...

– Какой он тут важный, наш мэр! – отметил тот, рассматривая снимки. – Весь такой напыщенный и надутый!

– Потом появился глава местной администрации. Он, как направляющий, шёл в голове колонны демонстрантов. За ним прошествовал ансамбль флейтистов и волынщиков. Потом появились персонажи из «Звездных войн», затем – воины ирландской бригады. А вот это – очень талантливые девочки из школы ирландских танцев...

– Хм, судя по их виду, Эйрин, девушки эти – будущие кандидатки в ансамбль Lord of the Dance. Посмотри на их платья и парики с кудряшками. Каждый такой наряд, наверняка, и стоит недёшево – порядка 500 фунтов!

– Потом появились веселые гномы – лепреконы – в своих обязательных зелёных кафтанках, с рыжими волосами и бородой... Один из них потешно передвигался на музейном тракторе... А вот – девушка-павлин... человек-сад...

– Красочное зрелище. Бразильский карнавал какой-то! В комбинации с индийскими мелодиями под там-тамы. А вот и китайцы – крепко держат своего дракона, наверное, чтобы не сбежал.. а другие китайцы – их ведь не перечесть – несут своего льва, к счастью, в цветах ирландского флага. А это что? –он глазами указал на очередную фотографию, – Праздничное шествие детей африканского континента, тоже с драконом, только на колесиках?

– Да, папа. А ещё вот, смотри, настоящий вождь краснокожих на своем железном скакуне. И, наконец, вот они... ирландские переселенцы в своих кибитках... Парад удался!

– Теперь кто-куда, но, как обычно, основная масса будет держать путь на Watering Stations, чтобы поднять бокал за Ирландию!

– За нашу Ирландию, папа! С наступившим тебя юбилеем!

– С «наступившим», Эйрин? – печально вымолвил Кевин. – Или, правильнее сказать, с «постигшим» меня юбилеем?

– Ты всё шутишь, папа!

– Это единственное занятие, которое я ещё умею делать, – он тяжело вздохнул, но ту же изобразил на лице улыбку, чтобы не расстраивать её. –Я, наверное, ужасно выгляжу, да?

– Нет, как обычно. Давай я тебя немного причешу... –она достала из своей впечатлительных размеров сумки пластиковый гребень и стала аккуратно причесывать почти такие же, как у нее самой, рыжие густые волосы, направляя их на затылок, как любил отец. Потом перешла к бороде и усам:

– Одно загляденье! Ты красавчик, папа! – она чмокнула его в нос, что со стороны смотрелось очень забавно. – Кстати, скоро приедет мама, она мне звонила. И принесёт с собой горячий горшочек твоего любимого рагу из баранины. Оно получилось отменным, я уже «взяла пробу», как ты учил...

– Лучше бы она принесла пинту «Гиннесса»... – пожаловался Кевин.

– Давай воздежимся от пива, папа. Ты ведь и чай любишь не меньше? К тому же, я испекла твои любимые дрожжевые булочки бармбрек со сливочным кремом...

– Со сливочным кремом... – повторил он, мечтательно посмотрев в белоснежный потолок с еле заметной трещинкой посередине.

– Да, и с отборным изюмом. Пальчики оближешь! – сказав это, она вздрогнула, осознав, что сказанное ею – не более чем чушь.

Отец не мог «облизать пальчики». Он теперь вообще ничего не мог. Он, Кевин О'Брайен, самый главный мужчина в ее жизни, из когда-то крупного, атлетического телосложения человека, теперь превратился в хилое, жалкое, немощное создание, которое не может пошевелить рукой или ногой. Не может приподняться самостоятельно на кровати. Болезнь сделала его совершенно неузнаваемым человеком, у которого давно уже не было аппетита, и он, только после настойчивых уговоров дочери или жены, соглашался принять крошечное количество пищи, долго держа ее во рту, до тех пор, пока она превращалась в жидкость и самотеком выливалась в его сморщенный от голода желудок. Да, он прав... единственное, что он мог делать, превозмогая свои мучения, это шутить.

– Папа, – произнесла она после некоторой паузы, – папа, я хотела сказать тебе, что я... я люблю тебя! – на её изумрудных глазах показались слёзы, которые она всеми силами старалась скрыть. Но они упрямо прочертили две отчётливые, тёмные и мрачные с виду дорожки на ее лёгком макияже, а две из них тяжело упали на затянутую шёлком высокую грудь.

– Правда? – он посмотрел на неё и улыбнулся. А заметив ее мокрые глаза, решил приободрить, сказав:

– Ты любила меня чуточку больше, чем сливочный крем, Эйрин?

– Конечно, папа. Намного больше, чем сливочный крем! – она прикоснулась к его бледной неподвижной руке, прокрутила на запястье браслет, служивший медработникам для идентификации пациента. Они, прежде чем дать ему лекарство, сканировали с браслета штрих-код. И почти всегда ещё и переспрашивали дату рождения и фамилию, чтобы избежать ошибки.

– А я... я люблю тебя больше всех на свете. Не помню, говорил ли я, что ты чуть не умерла во время родов. Тебя принесли – крошечный комочек – запеленованную в ситцевую ткань. Я вспоминаю, как осторожно взял тебя на руки, и по моим глазам катились слёзы радости. Да, огромной радости, даже несмотря на то, что я очень хотел иметь сына... хм... – он осёкся, но тут-же продолжил. – Но когда Бог дал мне тебя, я ощутил наивысшее счастье. В самом деле – какая разница – сын у тебя или дочь!

Она тихо слушала его повествование.

– Я ничего не понимал в воспитании детей, особенно девочек. Наверное, я был недостаточно хорошим отцом...

– Ну что ты, папа! Ты был и остаёшься самым лучшим отцом на свете! Ты – мой герой! И ты любишь мою маму. Хотела бы я, чтобы мой мужчина относился ко мне так же хорошо, как и ты к своей жене.

– Ты преувеличиваешь, Эйрин.

– Вовсе нет! В раннем детстве ты носил меня на руках, кружил меня так, что дух захватывало, подбрасывал и ловко ловил, не давая упасть...

– Хорошо, что я это делал тогда... когда ты была маленькой, и у меня ещё не болела спина...

– Ты всегда был рядом со мной, папа. Охотно интересовался моими увлечениями и всегда был готов прийти мне на помощь. У нас с тобой были даже секреты от мамы. Помнишь, как ты веселил меня, когда мы играли в прятки? Как учил меня танцевать джигу и отличать рил от хорнпайпа?

– Я помню, что у тебя долго не получался «степ», – молвил он.

– Да. Ты повторял раз за разом: «почувствуй ритм», «держи спину ровно и голову прямо», «не смотри себе под ноги»... Это было так забавно! А помнишь, как-то в школе меня дразнили «рыжей метлой», а ты успокаивал меня, твердил, что я самая-самая красивая... как принцесса!

– Потому ты и выросла уверенной в себе женщиной, которая смогла добиться успеха.

– Ты, я видела, радовался каждому моменту, который мы проводили вместе. Хотя мне кажется, что ты воспитывал во мне и мальчишеские качества.

– Это почему же? – Кевин повернул голову. – Уж не потому ли, что брал тебя с собой на рыбалку и на скачки? Или в походы по горам, чтобы ты изучала природу?

– Не только в походы! Мы ходили и в цирк, и в театр! А гитара и губная гармошка? Ты помнишь, как учил меня играть на них. И хёрлинг! Наши деревянные клюшки всё ещё ждут нас, папа.

Он вновь вздохнул, оставив без комментариев ее восторг. А она продолжала:

– Это всё не прошло даром! Благодаря твоим урокам, папа, я научилась постоять за себя. Ты доверял мне, давал, в отличие от мамы, больше свободы...

– Но маме хотелось оградить тебя от всех бед... ты ведь понимаешь?

– Конечно. Но считаю, что это не повод ограничивать свободу действий... Имея хорошее воспитание, дочь не натворит глупостей, не правда?

– Правда... Эйрин, ты уже взрослый, совершенно самостоятельный человек. И наступит день, когда ты навсегда покинешь родительский дом. Я хочу, чтобы ты знала, что всегда, в любой момент, ты можешь вернуться домой, если пожелаешь. Неважно, в каком возрасте и при каких обстоятельствах.

– Спасибо тебе, папочка! О, кстати, у меня для тебя подарок, – опустив руку в сумку, она вытащила оттуда аккуратно сложенную майку зеленого цвета. – Смотри, что тут написано. – она ее развернула и Кевин улыбнулся, с нескрываемой гордостью прочитав крупную надпись «Поцелуй меня, я – ирландец!».

– Давай я её на тебя надену в этот благословенный день. В твой день! Будешь что надо! Иначе, тебя начнут щипать все кому не лень, за то, что не облачился в этот день в зелёное. Ведь даже Её Величество сегодня в зеленом наряде... – он опустил веки, что означало согласие и процедура эта отняла у них непростых несколько минут.

– Как там дела в нашем пубе? – тихо поинтересовался он.

– Папа, надо говорить «в пабе», – она мягко поправила его.

– Ни в коем случае! Пабы – это английские пивные. Мы же – айриш пуб! Как идёт торговля?

– Всё хорошо, папа. Даже отлично! Все передают тебе привет и желают скорого выздоровления. Только...

– Что только? – забеспокоился Кевин.

– Бармены обижаются, что мы запрещаем им брать чаевые. Говорят, что стараются изо всех сил, бегают как заводные... что работай они в других заведениях, они могли бы лучше зарабатывать на жизнь...

– Знаешь, Эйрин, – он перебил ее, – Порой люди считают, что выполняя свои обычные трудовые обязанности, они совершают подвиг. Хотя в целом, должен сказать, я доволен их работой. Ты ещё раз напомни им, что в айриш пубах испокон веков не принято брать чаевых. Ты вот что, дочь..., ты прибавь им зарплату на 20 процентов. Хочу, чтобы они были довольны... мы ведь как одна семья.

– Щедро, ничего не скажешь. Хорошо, папа, пусть будет так, – она послушно кивнула ему головой.

– Тебе удалось нанять ещё двух официанток? Помнишь, ты мне говорила?

– Да. За прошедшую неделю приходили восемь соискательниц. Заполняли анкеты на работу. Судя по тому как они себя описали, они были так близки к совершенству. А на практике оказалось – не могли удержать подноса в руке.

– Эйрин, будь реалистом и не пытайся найти идеальные трудовые кадры. Где разыскать их в отнюдь не идеальной стране?

– В конечном счете, двух официанток я всё-же нашла, правда, с трудом. К столам их пока не подпускаю, пусть подучатся. Одна из них, честно говоря, не особенно расторопна, зато у неё имеется поварской опыт. Я постараюсь наилучшим образом использовать её потенциал...

– Из тебя получился хороший менеджер, Эйрин! И я рад, что ты вот уже шестой месяц успешно заменяешь меня, с тех пор, как начались эти неопишуемые головные боли.

– Но иначе и быть не могло! Работа приносит мне удовольствие. И, в конце-концов, это ведь наше общее дело, наш семейный бизнес. И я горжусь им!

– А я горжусь тобой, Эйрин, – и вдруг он тяжело охнул, закрыв глаза. – Больно... как же больно...

Прибежавшая медсестра сделала инъекцию в вену и вскоре головная боль его отпустила. Надолго ли? Когда спустя минут пять сестра пришла вновь и спросила, как больной себя чувствует, он ей улыбнулся в ответ и спросил сам:

– Я в порядке... Благодарю вас! Я вот подумал, есть ли у меня хотя бы мизерный шанс приударить за вами, моя мисс спасительница? – в его глазах вдруг появилось столько жизни! Конечно, он страдал. Но выглядело это очень мужественно, с улыбкой на измождённом лице.

Эйрин смутилась от этих слов, испугавшись, что медсестра не поймёт шутку отца. Она опустила глаза, а ее благородное лицо залилось алой краской.

– У такого видного мужчины как вы, несомненно, есть шанс! – не раздумывая, ответила медсестра, изображая улыбку. А, поймав на себе взволнованный взгляд Эйрин, спокойно добавила:

– Пациентам это позволительно, мисс... Поправляйтесь, мистер О'Брайен! Если я понадоблюсь, вы знаете где кнопка вызова, – и, покидая его белоснежную, оснащённую электроникой, обитель с еле заметной трещинкой на потолке, она бесшумно закрыла за собой дверь.

– Кстати, Эйрин, – позвал он дочь. – Я хочу, чтобы на моих похоронах ты вылила бутылку ирландского виски на мою могилу.

– Папа! Опять ты за своё?!

– Ты сделаешь это? Посмотри на меня! – потребовал он то ли серьезно, то ли полушутя.

– Ну если ты хочешь..., – покорно ответила она, не ожидая подвоха с его стороны, и поспешно потупила взгляд.

– Спасибо. А я, в свою очередь, не буду возражать, если ты сначала пропустишь этот виски через свои молодые почки... – он беззвучно засмеялся, почти захохотал.

– Узнаю твои шутки, папа! И это хороший признак! – повеселела Эйрин.

– Я ведь вижу, как радуется тебя моя ирония. Или сарказм... А если серьезно, дочь, чего таить, мой диагноз тебе известен. Меня раздражают однообразные массажи рук и ног, чтобы их мышцы не атрофировались раньше времени. Страшно унижает, когда чужие люди мне чистят по утрам зубы, моют голову, кормят с ложечки, тщательно обтирают влажными салфетками и меняют подгузники... И состояние моё будет только ухудшаться. День ото дня. Ведь мы все об этом знаем... вот скоро начнут появляться пролежни...

– Папа, прошу тебя... – она умоляюще посмотрела на него.

– Мрачная вырисовывается перспектива... Но ничего не поделаешь? – вздохнул Кевин и внимательно посмотрел на дочь. – Ты всегда отличалась мужественным характером. Была крепка как дуб, несмотря на всё, что тебе не так давно пришлось пережить. Поддержи мать. Ей сложно с этим смириться. И пообещай мне, пожалуйста, что не будешь слишком сильно обо мне горевать, что бы ни случилось. Жизнь так прекрасна. Наслаждайся ею. Я люблю тебя...

– Ты нам нужен, папа! Нам всем! – её глаза умоляюще смотрели на отца.

– Ну-ну, не хнычь! Ты ведь уже большая девочка! И помни, я останусь с вами и после того, как покину этот мир. Буду смотреть на вас из-за облаков и отгонять грозовые тучи.

Эйрин молчала, повернув голову к окну, что выходило во внутренний дворик больницы. Через него в палату пробивались ещё неокрепшие лучи раннего весеннего солнца. Слава Богу, уже середина марта, прошла зима! И природа, уставшая то ли от редкого снега, то ли от частых дождей, начала преображаться. Всё вокруг становилось каким-то радостным, даже весёлым, засияло яркими красками. Небо стало голубым, а в воздухе запахло весной. Вот даже

птицы, и те чувствуют приятные изменения. Суетятся и шумят, радуясь долгожданному теплу. Деревья сбросили свою серую одежду и сейчас греются на солнце. На них скоро появятся первые листочки, трава зазеленеет и наступит долгожданное обновление. Может со стремительно тающим последним снегом уйдут, наконец-то, тревоги и разочарования? Её дисциплинированное воображение сейчас боролось с печальной реальностью, и она, понимая, что уже ничто не может измениться, всё же, уже в сотый, в тысячный раз надеялась на милость богов и на чудо, которое непременно должно произойти, чтобы восстановить поправленную справедливость. Только оно, чудо, может принести дорогому отцу неожиданное избавление от страшной болезни.

– Когда ты последний раз виделась с Рейчил? – голос отца отвлек её от унылых дум.

– Я ездила в лечебницу в начале той недели. Но Рейчил не захотела меня видеть. Врачи говорят, что у нее очередное обострение.

– Опять? – взволнованно переспросил он.

– Да. Опять бредовые идеи, галлюцинации. Мне сказали, она где-то раздобыла алкоголь и открыто приставала к врачу, пытаясь на людях совершить развратные действия...

– Остановись, прошу тебя, Эйрин, – его лицо исказилось гримасой боли. – Не могу слышать всего этого о своей дочери... Прощу тебя, поправь мне подушку. Мне очень низко.

Она заботливо взбила ему подушку, чтобы ему было удобнее лежать, не забыв поцеловать отца в лоб. Затем расправила складки на шерстяном одеяле, из-под которого вниз, под кровать, опускались трубки с жидкостями.

– И, если тебе не трудно, дай мне, пожалуйста, попить, Эйрин.

Она тут же поднесла ему прозрачный сосуд с трубочкой.

– Что это?

– Вода, папа, как ты просил, – услужливо ответила она.

– Здесь её так мало, что не хватит даже окрестить колдунью, – неудачно пошутил он.

Она приподняла ему голову и он, скрывая усилия, потянул из трубки пару глотков. Потом сделал удивленное лицо, по которому вдруг опять расплылась улыбка:

– Да, это действительно вода..

– Что же ты ожидал увидеть?

– Я так надеялся, что Святой Патрик сотворит чудо в день своего поминовения и превратит воду в виски.

Они опять заулыбались.

– А как ты сама? Как себя чувствуешь? – спросил он.

– Все нормально, папа. Была на плановом осмотре полмесяца назад. Врачи говорят, никаких осложнений. Даже спортом не запретили заниматься.

– Опять пойдешь в свой клуб верховой езды?

– Очень этого хочу! Давненько не была в том увлекательном мире. Мире лошадей...

И страшно соскучилась по своему Беовульффу!

– Это ведь тот самый породистый скакун, о котором ты так много рассказывала?

– Да. И он, уверена, соскучился по мне, и по скачкам и конкуру. Он их обожает!

– Ну и слава Богу! А что в личной жизни, дочь? Есть новости, которые могут порадовать отца? Держу пари, у тебя появился парень! Ну-ка давай, выкладывай!

– Нет. Всё не так хорошо, как на работе. Да и времени на это у меня сейчас нет.

– Дело не во времени. Я то тебя знаю. Просто куда-то делись настоящие, надёжные мужчины. Неужто, вымерли как мастодонты? Их место прочно заняли избалованные, великовозрастные дети. Ты тоже так думаешь?

– Папа, обещаю тебе, что ты будешь первым, кому я расскажу о результатах своих раскопок.

– Ты что, и правда решила искать мастодонта? – неодобрительно закричал он. – Если так, то я боюсь, твои усилия ещё не скоро принесут результатов...

– Не буду скрывать, что мне встречаются молодые люди, которые претендуют на безупречное воспитание и благородное происхождение, но очень скоро становится очевидным, что на самом деле они просто высокомерные голубоглазые снобы с кривыми зубами и, прости, несвежим дыханием. А некоторые из них ничего не значат без чековых книжек своих родителей. Знаешь, чем больше я узнаю мир, тем больше убеждаюсь, что никогда не встречу человека, которого смогу по-настоящему полюбить...

– Этих молодых людей двенадцать лет порят розгами в пансионатах за всякую провинность так, что лишают их ума. Вот они после этого и считают нас, ирландцев, мастаками по пьяным пляскам, да и только! Ты умная девушка, Эйрин. И умеешь разбираться в людях. Но тебе следует также прислушиваться к сердцу. Очень часто именно оно, но не строгий разум, даёт нам знать как поступить...

– Да, конечно, папа. Я решила, что когда моё сердце начнет биться учащённее, это и будет сигналом, что передо мной он – тот самый, настоящий, благородный мужчина, похожий на тебя, папа. Тот, что не будет жаловаться, кого-то упрекать или винить в своих неудачах.

– Я не сомневаюсь, что ты в итоге сделаешь правильный выбор. Брак – дело нешуточное. Он может навсегда изменить твою жизнь. Но тебе должно повезти. Ведь ты заслуживаешь большого счастья, Эйрин! Раскрой свою душу для чьей-то стрелы. Только не забудь, пожалуйста, что кем бы ни был твой избранник, он должен быть...

– Ирландцем, папа! – задорно вставила она.

– Непременно! А еще? – пылливо спросил её Кевин. Его глаза удерживали её взгляд, напоминая о том, что это требование имеет принципиально важное значение.

– И католиком!

– Умница! Другого ответа я и не ожидал от тебя услышать. И это меня успокаивает. – он удовлетворенно кивнул. – Спасибо тебе, дочь!

В этот момент в дверь палаты робко постучали и неторопливо вошла она – его Кэтрин.

ГЛАВА 2. Кэтрин

– С днем рождения тебя, дорогой! И с днём святого Патрика! – она поцеловала мужа сначала в одну, а потом в другую щёку, и тихо села рядом, поставив на пол модельную сумку из кожи серого цвета, что очень гармонировала с её синим платьем. Сумка была достаточно большой, чтобы вместить всё, что, как считала Кэтрин, ей было необходимо, и в то же время достаточно изящной. Однако, можно было заметить, что в одежде она была несколько консервативна и предпочитала классику и спокойную цветовую гамму.

Бывают женщины ослепительные, обаятельные, а есть просто милые, такие, которых ни на кого не меняют. Кэтрин была именно такой, несмотря на внешнюю холодность типично нордической внешности. Её отстранённость, подчёркнутая светлой кожей и такими же волосами, и удлинённое лицо делали её похожей на персонажей скандинавского фольклора: фей, эльфов или русалок. Однако, учитывая её немолодой возраст, можно было смело назвать её снежной королевой. Она, будучи по происхождению чистокровной ирландкой, была начисто лишена брутальности, непреклонности и суровости, которыми так часто характеризуют этих женщин. Напротив, её отличали утончённость, нежность и аристократичность.

– Почему мы сидим в тишине в такой замечательный день, а? – спросила она дочь, повернув голову в её сторону. – Поставь-ка папину любимую музыку. Ты ведь не против, дорогой?

– «Танцы эльфов»? – уточнила Эйрин, вопросительно посмотрев на отца, и протянула руку к магнитофону, что стоял на подоконнике. Здесь же, обрамлённая аккуратной рамкой, под стеклом находилась старая фотография, одна из самых удачных, с которой на Эйрин глядели родители, ещё такие молодые, красивые и совершенно счастливые... Она остановила свой взгляд на снимке и сердце её сжалось...

– Сначала «Кельтские грёзы», если можно, – изъявил желание Кевин. – Я не сумел притащить сюда, в Бирмингем, всю Ирландию, взяв с собой лишь тоску по ней...

– Я принесла тебе наше фирменное рагу из баранины и бармбрек в форме трилистника, покрытый изумрудной глазурью. Сливочный крем к нему готовила Эйрин. Вкуснятина! Я очень надеюсь, милый, что ты не откажешься...

– Ты дашь мне пинту «Гиннеса»? – он нетерпеливо перебил жену. – Я ведь знаю, что ты принесла...

– Кевин, врач не позволяет тебе ни капли спиртного, включая пиво. Может случится непоправимое...

– Со мной уже случилось всё самое непоправимое, что только могло случиться... Если ты, в такой день, не позволишь мне осушить «чарку Патрика», то и не вздумай просить меня пробовать эти ваши кулинарные шедевры... даже не прикоснусь...

– Хорошо, дорогой... – уступила Кэтрин, поняв, что спорить с ним, особенно сегодня, бессмысленно. – В самом деле, пару глотков в такой святой день, наверняка, можно себе позволить. – она стала торопливо накрывать прикроватную тумбу, через минуту превратив её в импровизированный праздничный столик.

– И у меня для тебя небольшой подарок, дорогой, – она достала небольшую глиняную фигурку в виде большого коренастого человечка, одетого во всё зелёное и чинившего свой левый башмак.

– А, – произнес Кевин и улыбнулся, – Лепреккон! Мой любимый волшебник. Спасибо тебе, Кэтрин!

– Пусть он исполнит все твои мечты!

– «Когда мы пьем – мы пьянеем», – тихо, слабым голосом, запел Кевин, а Кэтрин и Эйрин тут же подхватили любимую песню, которую в их семье было принято запевать во время застолья, и их распевание тут же превратилось в целый, очень дружный хор:

– ... «Когда мы пьянеем – мы засыпаем,
Когда мы засыпаем – мы не грешим,
Когда мы не грешим – мы попадаем на небеса.
Так давайте же выпьем для того
чтобы попасть на небеса!»

От этой песни и пива им всем стало тепло, хорошо и легко. И у самого Кевина тоже поднялось настроение. По всему было видно, что это маленькое пиршество пришлось как нельзя кстати.

– Папа, у меня есть тост, – произнесла Эйрин.

– Слушаю тебя, девочка моя, – сказал он, и глаза его наполнились ещё большей любовью. И дочь, поднимая бокал, торжественно начала свою речь, наполненную эмоциями и патриотическим пафосом:

– «Дорогой отец! Желаю тебе прожить 100 лет и ещё год для покаяния...

Я пью за твою погребальную лодку. Пусть её построят из древесины столетнего дуба, который я посажу завтра...

Я пью за то, чтобы Господь дал доброго здоровья не только тебе, но и врагам твоих врагов..

И пусть доктор никогда не заработает на тебе ни фунта..

А Господь пусть проявит к тебе симпатию... Но не слишком скоро!

И желаю тебе скончаться в постели в 101 год, от выстрела ревнивой супруги!»

– Прекрасный тост! – поблагодарил её Кевин, заметив, что глаза Кэтрин наполнили слёзы, которые она тщательно пыталась скрыть, часто моргая и изображая на лице улыбку, грустную с тех самых пор, как он заболел.

– А я хочу поднять тост за всех нас! – он посмотрел на сидевших рядом женщин, и Эйрин на мгновение показалось, что она вновь видит отца, каким помнила его всегда – веселого ирландца, в высокой, украшенной трилистником зелёной шляпе, напоминавшей гриб-дождевик, краснолицего, с рыжей кельтской бородой, носом-картошкой, светлыми, внимательными глазами, забавным маленьким ртом, и с кружкой пива в руке.

– Да благословит Господь всех тех, кого я люблю. Да благословит Господь всех тех, кто любит меня. Да благословит Господь всех любящих тех, кого я люблю, И всех тех, кто любит любящих меня. А ты, Эйрин... пусть у детей твоих детей будут дети!

Больной не стал есть рагу, сославшись на отсутствие аппетита, но он попробовал бармбрек с их любимым сливочным кремом.

– Действительно, очень вкусно! – похвалил он дочь и жену.

– Папа, я побегу на работу, – торопливо сказала Эйрин, надевая пальто и посмотрев на циферблат часов. – У нас там дел невпроворот. Я навещу тебя завтра, хорошо? Отдыхай!

– Спасибо, Эйрин! Береги себя! – его лицо выражало безграничную любовь и признательность за заботу.

– Erin Go Bragh! – девизом, с улыбкой на лице, отчеканила Эйрин, что означало «Ирландия Навсегда!»

– Да здравствует Ирландия! – торжественно ответил ей Кевин...

Когда они остались вдвоём с Кэтрин, она взяла его за руку и мягко посмотрела ему в глаза. Её выражение лица было внимательным и придавало ей шарма, а её выразительные глаза умели говорить без слов. Сколько же в них терпения, сочувствия, понимания и любви одновременно!

– О чём ты задумалась, – спросил он.

– Я люблю тебя. И всегда любила, – тихо молвила она.

– И я тебя люблю, – прошептал Кевин.

– Я знаю, дорогой. Но слышать это всякий раз мне приятно. И даже если бы ты и не признавался мне в любви, то одни твои поступки говорили бы сами за себя...

– Я помню как всё начиналось. Никто не сможет отнять у нас то, что было. Пусть это и было в прошлом, но оно осталось. В нас, в наших воспоминаниях. Когда ты только пришла работать в мой пуб... ты была так проста и незамысловата. Так необыкновенна, так наивна и, в то же время, мила, что сразу покорила моё сердце и мне захотелось стать твоей первой любовью...

– А мне – твоей последней. Правда, других достоинств, кроме привлекательности, я у тебя тогда не заметила. – Кэтрин женственно подёрнула плечами и поправила бусы на шее. – Хотя позже, увидев, как ловко этот «этот уроженец Дублина» колдует на кухне по своим собственным рецептам, я была покорена твоей сексуальностью.

– Я нашёл женщину, которая влюбилась в меня в беспамятстве, в забытии от нахлынувшего на нас счастья. Любить тебя было великой привилегией, данной мне свыше.

– Ты принял в свою жизнь не только меня, но и мою годовалую дочь... стал для Рэйчил хорошим отцом... Не всякий мужчина, Кевин, готов на такое. И за это я очень благодарна тебе.

– Иногда я задаюсь вопросом, что было бы, если бы я не встретил тебя? Ответа я не знаю. Знаю только, что без любви жизнь теряет всякий смысл. Прожить жизнь и ни в кого не влюбиться – значит не жить вообще! Ты ведь помнишь, как мы танцевали под луной? Тогда ты сказала мне: «Ты мог бы быть отличным танцором, если бы не две проблемки». Я спросил: «Какие?», а ты весело ответила: «Твои ноги». Тогда-то и я стал брать уроки танцев, чтобы ты могла обнимать только мои плечи. А помнишь, как мы вместе ходили на скачки и делали ставки? Как устраивали наш быт? Купили неплохой домишко с садиком, в котором трудились вместе. Я придавал кустам спиралевидную форму, а ты выращивала прекрасные розы, – за его улыбкой скрывалась острая тоска по прошлому, которое было чертовски давно.

– А я помню, как терпеливо ты учил меня готовить... Всё надеялся, что я стану отменной поварихой, или, как ты говорил, «шефом». Ты был таким романтиком! И остался им по сей день!

– А ведь ты до сих пор печёшь лучшие пироги во всём Бирмингеме! – произнёс он рассеянно. – Знаешь, Кэтрин, мне, бывает, до сих пор снятся сны, в которых я стою у раскалённой плиты, даю указания младшим поварам, пробую соусы на вкус и подгоняю нерасторопных официантов. А, завидев тебя, всегда такую взволнованную, совершенно неотразимую, и с потёртым подносом в руках, у меня начинается настоящий праздник. Я смотрю тебе прямо в глаза, и между нами создаётся невидимая труба, соединяющая нас двоих, через которую я говорю с твоей душой. И им, нашим душам, так комфортно вместе. Мы ведь всегда были отличной командой, верно?

– Не всё у нас было так гладко, дорогой. Бывало, мы ругались, правда, по мелочам, но потом всегда мирились.

– Ты и правда иногда была совершенно невыносима! Сущий монстр! Но я понял, что лучше ссориться с тобой по несколько раз на день, чем отдаться сиюминутному желанию овладеть кем-то другим, а потом корить себя всю оставшуюся жизнь...

– Я знаю, о чём ты, Кевин... Опять о той кривоногой, ярко-накрашенной блондинке-стажёрке, что пришла к тебе в пуб в поисках карьерных высот и очень скоро уложила тебя на лопатки в подсобке? – снисходительно произнесла она. И в её снисходительности таились обидные нотки.

– В тот день я был жутко расстроен нашей ссорой. Это был сложный период притирки наших взаимоотношений... какой-то кризис, как мне казалось. И тогда... бес вселился в меня и я дал волю своей страсти, чувству... хотя нет... чувств там не было ровным счётом никаких, одна физиология... И это случилось. Но это произошло всего один раз. И ничего не значило...

– Не нужно вспоминать ошибки молодости, дорогой... Не давай воспоминаниям терзать себя... Главное, что мы вместе. Мне так повезло в жизни! – её лицо вдруг стало алым.

– Сегодня утром я проснулся и подумал, что я самый счастливый человек на земле. Что мне больше ничего и не нужно в жизни... Жизнь... как же она быстро прошла... – Кевин был взволнован и говорил быстро, словно стараясь успеть высказать всё, что было на душе, чтобы облегчить её. Она же молчала, а губы ее были сжаты.

– Вместе с радостью, которая пришла в наш дом с детским смехом наших девочек – Рэйчил и Эйрин, – пришел и страх. Да-да, именно СТРАХ. За их будущее. За жизнь...

– За их здоровье, – поправила она его. – Рэйчил принесла нам немало «сюрпризов», а Эйрин, наша умница Эйрин – ей пришлось перенести такую тяжёлую операцию...

– С Эйрин всё будет отлично, Кэтрин. Вот увидишь. А Рэйчил... Я очень хочу, чтобы она поправилась. Молю Бога об этом каждый день.

– Они обе живут в наших сердцах и молитвах, Кевин...

– У меня в голове не укладывается, что с ней происходит? Помнишь, через пару недель после того, как ты вернулась из родильного дома, она перевернула на бок коляску и маленькая кроха Эйрин выпала из неё на пол с криком? Хорошо, что осталась невредимой, отделалась лишь ссадиной! А иногда она так щипала её, беззащитную, что бедняжка не могла успокоиться от плача. Откуда в ней было столько злости? Я до сих пор недоумеваю, что мы сделали не так? За что это нам?

– Не вини нас ни в чём, дорогой. Мы были неплохими родителями. Я верю, что всё наладится. Нужно немного терпения. Будем уповать на Господа и врачей в клинике. Она в хороших руках. Первым делом, нам надо позаботиться о тебе, Кевин. Скажи мне что-нибудь хорошее, прошу тебя... Или спой...

– Петь я не хочу, Кэтрин. И ты знаешь, я не мастер говорить. И никогда не был. Мне сложно высказывать свои чувства. Мы, мужчины, грубые создания. Однако, я всё-же скажу тебе, что ты была моей путеводной звездой. И эту любовь не отнимет никто! Я благодарен тебе за каждый день, что мы прожили вместе. Ты заслуживала намного большего. Мне остаётся лишь молить тебя о прощении за все обиды, что я тебе причинил. – его лицо оставалось неподвижным и серым, а взгляд был устремлён в потолок.

– И ты прости меня, Кевин. Я, бывало, изводила тебя своими придирами, грызла тебя...

– В конце-концов, ты решила признать это? – повеселел Кевин.

– Да, признаю. И помню наши ссоры, в которых мне всегда хотелось победить. Потому что победа заставляла меня чувствовать себя увереннее. Вот почему я всегда стояла на своём, даже в ущерб нашим отношениям. Мне казалось, что нужно отстаивать свое право на верховенство в семье. Откуда мне было знать, что счастье в семье важнее, чем изматывающие нас склоки в поисках мнимой справедливости?

– Я рад убедиться, что мудрость действительно приходит с годами, Кэтрин!

– Зато ты был мудрым ещё на заре нашей совместной жизни, дорогой! Ты давно мог бы повернуться и уйти от меня. Но ты этого не сделал. Ты всегда отказывался от своего последнего аргумента ради мира, ради любви. Разве это не замечательно? И я благодарна тебе за это.

– Я не ушёл только потому, что хорошо запомнил слова падре на церемонии нашего венчания в базилике Собора Сент-Чэда. Тогда он спросил нас, готовы ли мы «быть верными друг другу в болезни или во здравии, в радости или печали, в богатстве или бедности»? На что мы оба ответили утвердительно. И тогда он объявил нас мужем и женой, добавив, «То, что соединил Бог, не может быть разъединено человеком». Кэтрин, хочу повторить снова и снова, запомни это. Я счастлив... И я без страха ожидаю своего часа...

– Ты можешь не говорить ерунды! – в ней вскипела эмоциональная составляющая её неуёмной души. – Хотя бы в свой день рожденья! Ты подумал о нас?

– Посмотри правде в глаза. У меня рак. Я полностью обездвижен. Жизнь, если это существование можно назвать жизнью, пошла наперекосяк. Врачи разводят руками и трусливо отводят взгляд. Они уже списали меня со счетов...

– Пока ты можешь дышать, Кевин, ты борешься. Ты живёшь. Хотя бы ради нас.

– Но зачем? Если нет никакой надежды? Если уже не помогают обезболивающие? Если каждый последующий час приносит новые, нестерпимые страдания и уныние? Но закон жизни прост – за грехи свои надо платить...

– Ну сколько ещё раз ты будешь каяться? – она захлебнулась в потоке слёз. – Я давно простила тебе связь с той стажёркой... хотя и клялась когда-то, что никогда не забуду этого!

– И ещё долго эксплуатировала моё чувство вины... От той интрижки остался лишь небольшой шрам... И стыд... Но сейчас я не об этом.

– А о чём ты тогда говоришь?

– Неважно, Кэтрин...

– Есть ещё что-то, о чём я не знаю? Поделись, Кевин, тебе станет легче. Не мучай себя моралью.

– Не могу. Это долгая история...

– Но ведь рано или поздно я всё равно узнаю.

– Наберись терпения, прошу тебя, Кэтрин. Всему своё время. А сегодня, в мой день рождения, я хотел поговорить с тобой.

– Ну говори... Я тебя слушаю... – она терпеливо посмотрела на него.

– Дорогая моя Кэтрин, любимая, – вымолвил он и замолчал. Было видно, что он пытается собраться с духом. Она смотрела на него и губы ее дрожали в отчаянном бессилии.

– Я не вижу причин, чтобы продолжать жить. Дальше будет только хуже. Зачем тяготить всех нас: тебя, дочерей и меня?

– Но ты нас не тяготишь! – пыталась убедить его Кэтрин.

– Не лги мне, пожалуйста. Это единственное, чего ты не умеешь делать.

– Поставь себя на моё место... ведь это могло случиться со мной? – комочек подкатил к её горлу.

– Я думал об этом. Но воображение и действительность имеют мало общего...

– Но ведь есть надежда, хотя бы мизерная... Всегда должен быть какой-нибудь шанс...

– Что за чушь! Ложь во спасение! Пойми, я больше не хочу жить! Да, если тебе угодно, ради СЕБЯ в первую очередь. Даже не ради тебя, не ради дочерей. Очень трогательно, что ты всеми силами хочешь облегчить моё жалкое существование...

Она спрятала свои глаза. Уткнула их в самую дальнюю точку палаты. Он кликнул ее по имени, в голосе его был клич, призывающий её понять и простить.

– Ты добрый человек, а это не пустяк! – произнесла Кэтрин после паузы. – В тебе столько душевного тепла! И ты умеешь любить всем сердцем! Я всегда восхищалась тобой! Твоим трудолюбием, тем, как ты работал над своим успехом.

– Он имел длинный и извилистый путь, Кэтрин. Ты знаешь...

– Если бы не твои упорство и терпение, не твои честолюбивые мечты...

– Они необходимы для того, чтобы не только твердо стоять на земле, но и дотянуться до звёзд...

– Ну, дорогой, этого тебе не дано было... Зато ты получил луну... И никогда не обещал большего, того, чего был не в состоянии дать семье.

– Тебе известно, дорогая, кто нам помешал...

– Помешал дотянуться до звёзд? Да... Маргарет Тэтчер...

– Она самая. Эта «железная леди». С её антигуманной политикой в отношении народа. Помнишь, она запустила свои экономические проекты с целью покончить с невероятно высокой безработицей? Душила профсоюзы собственными руками, прекратила субсидировать убы-

точные предприятия. Повысила налоги и снизила расходы на социальную сферу. Сколько людей тогда остались на улице, без гроша в кармане. А всё потому, что она считала инфляцию большей опасностью, чем безработица в три с половиной миллиона человек.

– Да, трудные были времена... Народ обнищал... – тоскливо отметила Кэтрин.

– А потом, в 1981 году, в Ирландии, на нашей Родине, прошла череда грандиозных голодовок и мятежей, а реакция баронессы на них была сверхжесткой. Недаром тогда и было устроено на нее покушение. Ты ведь помнишь, когда в отеле в Брайтоне, где проходила конференция консерваторов, взорвали бомбу. И если бы не победоносная Фолклендская война, она бы не выиграла выборы в 83-м...

Кевин продолжал свои бесконечные блуждания в поисках исторической правды. Казалось, это было то немногое, что ненадолго помогало ему забыть.

– А последующие два года были омрачены забастовками британских шахтёров. Тогда, даже глазом не моргнув, леди-премьер одним взмахом руки уничтожила угольную промышленность в стране и оставила без работы десятки тысяч человек, что обвалило курс фунта. Зато, когда она умерла, в разных городах Королевства – Лондоне, Бристоле, Ливерпуле и Глазго – её проводили плакатами «Динь-дон, старая ведьма мертва» и веселыми брызгами шампанского...

– Согласись, Кевин, нам обоим было жаль её... несмотря ни на что...

– Да. Потому что она, как-никак, человек. И женщина. Ведь ей, бедняжке, пришлось перенести несколько инсультов, получить перелом руки. Она посещала психиатра, потому что перед смертью страдала галлюцинациями и умопомешательством. Жаль её, конечно... Только смерть могла принести ей избавление от мук и, надеюсь, простила её за всё, даже невзирая на то, что она так и не покаялась...

– Тебя хлебом не корми, дорогой, а дай порассуждать о политике и экономике, в тонкостях которых ты прекрасно разбираешься... Вижу они приносят тебе удовольствие...

– Хорошо, что мы с тобой сходимся во взглядах, Кэтрин!

– Ну как же по-другому? Не будь и я на все 100 процентов ирландского изготовления, эти твои рассуждения вслух непременно заканчивались бы серьезной ссорой.

– Ошибаешься, дорогуша! Не ссорой! Немедленным разводом! И точка!

– Ценю твое чувство юмора! Ты, пожалуй, мог бы переплюнуть самого Тони Хенкока по этой части. И всегда умел заставить меня смеяться. Ну или хотя бы улыбнуться.

– Мне бы везения побольше... Уж я бы тебя расхохотал...

– Если тебе повезло родиться ирландцем... то тебе уже очень повезло! – отпарировала она.

– Поцелуй меня, Кэтрин. Я хочу навсегда запомнить вкус твоих губ.

На мгновение она почувствовала замешательство. А потом, спустя секунду, наклонилась к нему и крепко поцеловала в уста своими добрыми розовыми губами, ощутив слегка сладковатый, с горчинкой, аромат миндаля. Её сердце забилося учащенно. Когда их губы разомкнулись, он заметил, что её большие тёмные глаза смотрели на него с грустной улыбкой, а душа казалась совершенно опустошённой.

Тем временем за окном потихоньку вечерело. Заканчивался день небесного покровителя. Погода начала портиться, небо заволокло тучами и стал накрапывать дождь. Унылый и серый. Тяжело вздохнув, Кэтрин вышла за порог больницы и ощутила, что ей внезапно стало холодно. Она раскрыла широкий зонт над головой, который частично скрыл от прохожих ее осунувшееся за последнее время лицо, хрупкую фигуру, пропитанную скорбью и спрятал в тень её глаза, наполненные солёными как бескрайний океан слезами. Безысходность сковала всё её существо. Она в задумчивости шла по улицам Бирмингема, этого крупнейшего промышленного города Англии. Уже светились ночные лампы, витрины магазинов сияли всеми красками, привлекая захмелевших от эля и виски с зелёным трилистником покупателей разноцветными праздничными гирляндами и красочными плакатами скидок. Но она не замечала всего

этого многообразия. Её удивительно прозрачные глаза с невыразимой печалью смотрели куда-то вдаль, а голова была занята думами о бренности бытия.

– Что есть наша жизнь? – спрашивала она себя. – Одно лишь мгновенье. И в это мгновенье происходит всё – рождение человека, его крик, улыбка, первые робкие шаги и детский, неразборчивый лепет, счастливое беззаботное детство, первая любовь, смех и слёзы, победы и поражения, потеря близких, преодоление множества проблем. Всё это надо успеть сделать в это одно единственное мгновение. А что есть смерть? Увы, это не мгновенье... Это – сама вечность. И ее приход необратим. Кому же под силу остановить её? Или хотя бы отсрочить? Чтобы успеть насладиться тем мгновением, в котором мы все были так счастливы...

ГЛАВА 3. Рейчил

Поездка в Центральную психиатрическую лечебницу, что находилась в северном Ноттингемшире, стала утомлять Эйрин. Её бежевый автомобиль-двухлетка Peugeot 307 уже около полутора часов безостановочно нёс её вперёд с довольно большой скоростью, но до места назначения ещё оставалось примерно полчаса быстрой езды.

Даже несмотря на слабый ветер за окном машины, она могла бы насладиться тёплой, хотя и влажной погодой, но как-то тревожно было у нее на душе, туманно и серо. Ей на мгновение показалось что-то вроде промелькнувшего лучика и она взглянула на небо, но не увидела на нем светила. Одни облака и небольшую стайку воробьев над головой, а позднее – нескольких грачей. Горы и возвышенности сменялись низинами с их густыми дубравами, широкими пастбищами, дикими лугами и возделанными полями на плодородных землях. То худая смелая косуля появится вдоль дороги, то голодная лиса в поисках жирной куропатки пробежит мимо, то упитанный дикий кролик закопошится в кустах самшита...

Наконец-то взору явился северный Ноттингемшир с его холмистым ландшафтом и большими герцогскими поместьями. Когда-то здесь были городки углекопов, они тянулись на север через графство и дальше в Йоркшир. Но почти все без исключения шахты, где трудились тысячи работоспособных мужчин, были закрыты правительством консерваторов в 1980-х годах, и об их существовании напоминали сейчас лишь покинутые старые надшахтные ветряные колёса. Зато появилась другая интересная достопримечательность – Шервудский лес, или то, что от него осталось со времён Средневековья. Именно этот лес был убежищем для Робин Гуда, предводителя лесных разбойников, и его преданных друзей... А вот и семейный дом лорда Байрона – Ньюстедское аббатство. Эйрин вспомнила, что в Ноттингемшире жил и отец Лэмюэля Гулливера, главного героя книги Джонатана Свифта «Путешествия Гулливера», будучи, кажется, мелким помещиком.

Она завидела здание издали, оно грозно возвышалось среди деревьев и сверкало белизной, стеклом и металлом. Какая-то неведомая магнетическая сила, исходящая от строения, подманивала к себе беспечные и неосторожные человеческие души...

Эйрин остановила машину и тут же ощутила пронизывающий холодок в теле, отчего съёжилась и стиснула зубы. Эта лечебница считалась одной из лучших в Англии и обладала наиболее высоким уровнем безопасности, обманчиво храня видимость уюта и защищённости. Эти условия считались крайне важными, поскольку сюда помещали пациентов с опасными для окружающих душевными расстройствами.

Свидание с сестрой было назначено заранее, по телефону, и было согласовано с её лечащим врачом. И сейчас, прибыв на место, она первым делом хотела поговорить с доктором Джонсон. Уютно устроившись в креслах в специально отведённой комнате для свиданий пациентов с посетителями, она, в ожидании доктора, достала из сумки свой новенький iPhone и стала щелкать им по сторонам, чтобы показать потом фотографии отцу. Вскоре появившаяся доктор Джонсон, женщина с брутальной внешностью, напомнила Эйрин, что сестре необходимы покой и положительные эмоции, исключаящие каких-либо волнений.

– Ваша сестра, мисс О’Брайен... временами бывает очень очаровательна и умеет своим остроумием и обаянием произвести на людей хорошее первое впечатление, считая себя самой лучшей из всех живущих на земле созданий. Но она не может поддерживать с людьми долгих отношений, поскольку они, узнавая её получше, замечают другую её сторону, – напряжение доктора было слишком очевидным и, казалось, только возрастало по ходу беседы. Она выпрямилась в своем кресле, впиалась в Эйрин своим пронизательным взглядом и продолжила:

– Мисс О’Брайен, хочу вам сказать, что мне, как опытному психиатру, удалось «раскусить» её, даже несмотря на то, что она – мастер обмана и великий манипулятор. Это очень

характерно для психопатов, коим ваша сестра является. Помимо этого, у неё все признаки шизофрении. Полное отсутствие угрызения совести. Наоборот – она весьма часто обвиняет других в каких-то проступках, перекручивает чужие слова и мастерски поворачивает ситуацию, чтобы никогда не выглядеть виноватой. Всех же других людей она считает низшими...

– Как вы её лечите, доктор? – обеспокоенно спросила Эйрин.

– Надеюсь на вашу осведомлённость, мисс О’Брайен. Вы ведь не думаете, вопреки сложившемуся общественному мнению, что психиатрия как наука застряла далеко в прошлом? Мы уже лет 50 как не практикуем лоботомию, электрошока или других опасных экспериментов в качестве лечения. Вы понимаете, о чём я говорю? – она как-то требовательно, с выжиданием, посмотрела на Эйрин, остановив свой холодный, изучающий взгляд на её глазах, и последняя услышала открытую бесстрастность и сухость в её вопросе.

Услышав из уст врача знакомые медицинские термины, Эйрин почувствовала дрожь в ногах. Она вспомнила, что, вскоре после того как Рэйчил поместили в лечебницу, ей случайно попала на глаза большая статья в журнале, в которой описывались самые мрачные, поистине жуткие страницы психиатрии. Эта наука весьма часто подвергала пациентов, страдающих психическими расстройствами, ужасной операции... Эйрин не была уверена, правильно ли она помнит фамилию того португальского психиатра, кажется Моніш. Врач тот провел операцию над шимпанзе, удалив ей лобные доли мозга, после чего объявил, что мол поведение обезьяны изменилось, она теперь послушна и спокойна. После этого он и предложил через проделанное в черепе человека отверстие вводить в мозг петлю и вращать её, разрушая белое вещество лобных долей, за что и был удостоен Нобелевской премии по медицине. Его последователи провели десятки тысяч таких «операций», используя в качестве обезболивания электрошоков. Они создали новый инструмент для этой операции, с виду напоминавший нож для колки льда. Его зауженный конец нацеливали на кость глазной впадины, с помощью хирургического молотка пробивали тонкий слой кости и вводили инструмент в мозг, причиняя ему необратимый ущерб и превращая каждого третьего пациента в «овощ». В те времена даже появился специальный «лоботомобиль» – автофургон, в котором психиатры путешествовали по странам, предлагая чудодейственное исцеление, и проводили операции прямо перед зрителями, в духе циркового представления. Под нож укладывали даже неусидчивых и просто непослушных детей и он менял их навсегда... в результате операции часть личности человека и его индивидуальность безвозвратно уничтожались. У многих начинался менингит, эпилептические припадки, и они, не превратившись в зомби, кончали жизнь самоубийством.

Эйрин вспомнила, что жертвами лоботомии были и мужчины с альтернативной сексуальной ориентацией, и женщины. Женщины – ведь они всегда были более бесправными, чаще страдали от депрессии, тревожности, истерии и их, конечно, легко было объявить сумасшедшими и отправить в больницу, где их с нетерпением дожидалась лоботомия. Результат, может быть, устраивал их близких: женщина теряла свою индивидуальность и открывалась возможность полного контроля над ней, ставшей теперь полностью зависимой и послушной, если только она не умирала вскоре от операции... Одной из таких женщин, описанных в статье, была Розмари Кеннеди – старшая из сестер американского президента Джона Кеннеди. Говорили, она отставала в развитии от других детей – такой диагноз поставили врачи. К двадцати годам её родители не знали, что делать: Розмари стала неуправляемой, у нее появились склонности нимфоманки и агрессивное поведение. Врачи убедили её родителей в том, что нужно попробовать лоботомию – она как раз приобрела популярность как новейший способ излечения таких больных. Дело было в 1941 году. В результате операции Розмари до конца жизни осталась немощным, обездвиженным инвалидом, с уровнем развития 2-х летнего ребёнка...

Вспоминая сейчас ту жуткую статью, Эйрин покрылась мокрым потом и почувствовала, как потемнело у неё в глазах и сильно застучало в голове, словно туда проник, под ударами хирургического молотка, нож для колки льда.

– С вами всё нормально? – услышала она голос доктора. – О чём вы задумались? О сестре? Эйрин с трудом сглотнула слюну и тихо ответила:

– Да, о сестре... Кеннеди... – в эти нескончаемые секунды она чувствовала, что доктор грубо, сквозь её широко открытые глаза, проникла в мозг и завладела её сознанием, достигнув самого его дна.

– Увы, бедняжке Розмари, помочь тогда было не под силу... Я бы сегодня не отказалась от такой возможности... Что касается вас, мисс О'Брайен, лучше бы вы думали о собственной сестре...

– Может что-нибудь нужно? Какой-нибудь действенный препарат? Я постараюсь найти...

– Не беспокойтесь. У нас есть весь арсенал необходимых средств. Мы, в зависимости от клинической картины, течения и этапа заболевания, назначили ей эффективную терапию, включающую в себя антидепрессанты и нейролептики, которые, я надеюсь, должны помочь ей преодолеть бредовые идеи, галлюцинаторные переживания и агрессию. Но вы должны понимать, что, к сожалению, радикального метода лечения шизофрении до сих пор не существует.

– Не существует? – переспросила Эйрин и почувствовала дикое сердцебиение в своём горле.

– Да, это так. Но, в целом ряде случаев, грамотно подобранное лечение позволяет больному работать, иметь семью и вести прежний образ жизни, – слова доктора, однако, казались малоубедительными.

– А что следует делать нам, родственникам? Как вести себя с ней?

– Главное – не отталкивайте её. Помните, что в ней сидит болезнь, которая и превращает вашу сестру в того неуравновешенного человека, которого вы видите. Мир, в котором живут такие люди, совсем не похож на ваш. Это другой континент. На этом этапе она всё ещё остаётся опасной для общества, поэтому и речи о том, чтобы отпустить её домой, не может быть долгое время. Кстати, хотела уточнить, когда вы впервые заметили её неадекватное поведение?

– Это началось ещё в детстве, доктор Джонсон, – ответила Эйрин. – Она была жестока по отношению к другим детям, помню, ей также нравилось мучить животных. Немного повзрослев, она стала хулиганить, портить чужие вещи, драться. Дважды своровала что-то в школе. Потом она несколько раз сбежала из дома, стала употреблять алкоголь и даже лёгкие наркотики... Педиатр назвала это социальной девиацией...

– Я так и предполагала, – выпалила доктор. – Отчётливая клиническая картина. Уверена, что это генетика.

– Что вы имеете в виду? – не поняла Эйрин.

– Не было ли у вас в роду людей с подобным заболеванием? Среди очень близких родственников, возможно, членов семьи? Не хотите ли поговорить об этом?

– Нет, не было, – твёрдо ответила Эйрин.

– Вы уверены? – доктор сощурила глаза и Эйрин поразились, как сильно та напоминала сейчас мужчину.

– Да. Конечно.

– Странно... – бросила доктор с недоверием. Её явно смутила убеждённость, с которой Эйрин опровергла её авторитетное мнение. – Ну хорошо. Если вы не желаете говорить, то я покину вас. У меня другие пациенты... До свидания! – она, кинув взгляд исподлобья, приподнялась и тяжелым, но быстрым шагом замаршировала прочь по широкому жёлтому коридору.

Эйрин не пришлось долго ждать. Рэйчил появилась в конце коридора, медленно идя по направлению к ней. Её красные, испуганные глаза зыркали по сторонам из под чёрных расчёпанных волос, словно выискивали что-то. На ней был вязаный жакет с узким воротничком и кантом. И брюки, в карманах которых она держала свои руки.

– Ты точна как часы, – холодно сказала она, подойдя к сестре.

– Рэйчил, любимая моя! Дай обнять тебя! – Эйрин протянула руки для объятий. Но та отстранилась, бездушно молвив:

– Зачем тебе это?

– Что зачем? Я не поняла...

– Зачем тебе быть точной как часы? – она повторила свой вопрос, и в голосе ее была слышна повелительная дотошность.

– Пунктуальность – это проявление уважения к тому человеку, который ждёт.

– Да ты просто зануда, у которой всегда было обострённое чувство долга. И кто же сказал тебе, что я тебя ждала? – её изначальная холодность сменилась прохладой.

– Прости меня, Рэйчил. Я не знала, что ты была занята... – попыталась извиниться Эйрин.

– Занята? Хм, звучит интересно... Была ли я занята? – с глумлением переспросила она. – Не знаю. Подожди, сейчас уточню... – она повернула голову влево и громко прошептала:

– Эй, Рейчил, ты занята? – от этой картины у Эйрин сжалось сердце. А сестра её вдруг резко повернула голову к ней, сказав:

– Нет, отвечает голос, не занята. Времени у меня, оказывается, навалом. Так что, дорогуша Эйрин, папенькина радость, милости прошу в мой мир! Добро пожаловать, ха-ха-ха! – это жуткое улюлюканье отозвалось недобрым, многократным эхом в ушах Эйрин.

Сестра своей ладонью трижды очень тщательно протёрла кресло, на котором до этого сидела доктор Джонсон, прежде, чем сесть на него. Ещё сильнее растрепав свои чёрные волосы, она апатично уставилась на Эйрин.

– Похудела! Совсем не ешь? – взволнованно спросила её Эйрин.

– Это не я... Это всё они... – её руки стали лихорадочно двигаться вдоль тела, не касаясь его.

– Кто они, Рэйчил? Ты о чём?

– Белые длинные черви. Они путешествуют по всему моему организму, прогрызая себе путь и поедают меня изнутри.

– Рэйчил! Что ты говоришь? Это всё твоё воображение.

– Ты хочешь сказать, что твоя старшая сестра врёт? Нет... это не воображение. И кровь моя течёт по сосудам не так, как должна, а в обратном направлении. Правда, эта мерзкая докторша со мной не согласна. Я знаю, чего она хочет...

– Чего же?

– Она плохой человек, Эйрин. Настоящий оборотень! Она мечтает забраться в мой мозг и покопаться в его извилинах. Но я не позволю ей разрушать свой мозг!

– Но это бред, Рэйчил! Не может этого быть! Прошу тебя...

– Ты принесла мамины бусы, которые она мне обещала? – вдруг спокойно спросила она, поменяв тему.

– Да. Сейчас, – Эйрин полезла в сумку.

– Красивые! – ответила та, взяв в руки янтарные бусы и рассматривая их с интересом. – Спасибо! Помоги мне надеть их. Главное для женщины – это её внешность, не так ли? Я тебе нравлюсь?

– Ты просто загляденье! Тебе даже не надо прихорашиваться.

– Правда? Жаль, что ты не мужчина! Я бы тебя не упустила... Дай мне твоё зеркальце, полюбуюсь собой.

Внимательно посмотрев на своё отражение в овальной формы беспристрастной зеркальной глади, она, в мгновение ока, надула губы и разнервничалась:

– Так и есть... я сильно изменилась...

– Нисколько не изменилась. Только похудела...

– Как ты хорошо лжешь! Успела научиться?

– Да нет же, Рэйчил! – пыталась переубедить её Эйрин, но та была непоколебима:

– Распахни свои глаза! С зеркала на меня смотрит совершенно чужой человек. Разве это мои руки, ноги, нос? Это лицо, тело?... Куда подевался мой маленький, красивой формы нос? Он стал огромным! Я вся теперь уродлива... с головы до ног... Видишь, в моём теле больше нет костей? Валиум их растворил, – она подняла обе руки и разом бросила их вниз. Было видно, что она начинает демонстрировать признаки агрессии и злости.

– Но ничего! – произнесла воинственно. – Я верну его... любой ценой...

– О ком ты говоришь, Рэйчил? – спокойно спросила Эйрин.

– О Люке, о ком же ещё! Разве ты его не знаешь? – удивилась та. – Это мой мужчина.

– Кто он такой? Он тоже здесь?

– Да. Он писатель. Пишет повсюду и обо всём как только ему попадается в руки любой клочок бумаги и огрызок карандаша... Говорит, что для хорошего романа ему требуется воображение. И он его находит во мне. Называет меня своей музой, а недавно сказал, что я самая красивая... А доктор Джонсон говорит, что это проявление болезни, как она называется... вспомнила, кажется «графомания». Сама слышала, она ему на днях сообщила, что в нём тоже сидит червь, но не как у меня. Другой. Огромный и пыльный книжный червь. Он терзает Люка и заставляет писать. А доктор утверждает, что его «писанина» не имеет никакой культурной ценности. И она знает как ему помочь. Для этого она вызовет у него творческий запор, хронический... Но Люк мне сказал по секрету, что писать он будет всё-равно, хоть собственной кровью, на здешних жёлтых стенах... А я не знаю, верить ли его влечению ко мне? Мне кажется, что всё это игра, – в её сознании чувствовался безостановочный водоворот мыслей. – Я знаю, они оба – Люк и доктор Джонсон – насмеются над моими чувствами и втайне мне изменят... Ревность изводит меня и я порой испытываю непреодолимое желание с удовольствием придушить их обоих голыми руками... – её глаза не предвещали сейчас ничего доброго.

– Что ты говоришь, Рэйчил? – прервала её Эйрин. – Ты ведёшь себя как безумная...

– Я живу своей жизнью. Тебе не понять. Ты думаешь, я глупа как овца, чтобы ожидать, пока на моём безымянном пальце засияет обручальное кольцо, чтобы позволить ему поцеловать меня в губы? Бери от жизни всё, она так скоротечна, и дай другому насладиться тобой! Если и есть у меня слабость, так это моя плоть...

– Я не узнаю тебя, Рэйчил! И то, что я сейчас слышу, это уже слишком!

– Мне сейчас меньше всего нужны высоконравственные нотации от младшей сестры... Что ты в этом понимаешь? Мне довелось узнать муки безнадежной любви. Ничто на земле не сравнится с горечью отвергнутого чувства. Но жизнь продолжается. Ты ведь помнишь, как там принято на танцах? Второй партнер сменяет первого, третий – второго... и ты танцуй, пока можешь, пока молода! И пусть безумно кружится твоя голова. Но эти самцы, они так неверны и коварны, так порочны... Я была в отчаянии, чувствовала себя последней душой, пока не поняла, что мне необходимо заставить себя забыть их! Выбросить из головы. Идиоты! Они отвергли меня!

– Я знаю, ты этого не заслуживаешь, Рэйчил...

– Да, я грешна. Я каялась в молитве в ожидании чуда. И мне явился Иисус, который поведал, что я и есть та самая христианская мироносица Мария Магдалина и достойна Его любви. Он дал мне сосуд благовоний и велел облить Ему ноги миром и отереть их своими волосами... А потом изрёк, что ради меня Он умер на кресте и воскрес, чтобы излечить меня от семи бесов... – она уверенно закивала головой, продолжая цепь своих разрозненных рассуждений и не давая сказать и слова сестре:

– Он предупредил, что скоро одежда моя истлеет, но наготу мою прикроют длинные волосы. Вот я их и отрашиваю... А измождённое моё тело каждую ночь будут возносить на небеса ангелы, чтобы исцелять его...

Эйрин молчала. Она наблюдала за всем происходящим, пытаясь не всматриваться в эти потемневшие, родные глаза напротив, и еле унимала слёзы. Невыразимый ужас охватил её, ужас и жалость: Рэйчил окончательно сошла с ума! И весь мир вокруг неё сошёл с ума! Что я скажу дома, когда вернусь?

В какой-то момент ей показалось, только она не поверила своим глазам, будто лицо Рэйчил изображает звериный оскал. Но та, к её удивлению, с наивностью в голосе, жалобно спросила:

– Ты мне тоже не веришь? – и горько заплакала. – Не веришь, что мне, грешнице, явился Иисус? Думаешь, почему он со мной, а не с тобой? – и вдруг она разразилась нездоровым смехом, почти захохотала и громко воскликнула:

– Да потому, что в мире святош Он бы никогда не появился...

– Рэйчил, – как могла, пыталась усмирить её Эйрин, – ты ведешь себя как умалишённая. Иногда я думаю, что, быть может, ты устраиваешь этот спектакль, этот нескладный фарс, чтобы наказать меня?

– Наконец-то, Боже милостивый, ты поняла! – она торжествующе вознесла руки к потолку. – Вы упекли меня сюда! Вам всем стоило бы склонить голову и повиниться!

– Но у нас не было другого выхода, Рэйчил. Ты больна!

– Это вы все больны! Вы решили избавиться от меня... Даже наш мудрый отец... и тому я не нужна...

– Ты злишься на нас?

– Злишься? Не задавай глупых вопросов! Вы для меня давно умерли. Как и я для вас! В моей жизни нет вам места! Даже и не подумаю прощать! Мне надоело быть хорошей!

– Что я тебе сделала, дорогая моя Рэйчил? Ты ненавидишь меня... мы же сестры. Родители с самого твоего детства и до недавнего времени возились с тобой как с ребенком.

– Они никогда не любили меня. Особенно после твоего рождения. Мне не могло нравиться, что тебя всегда лелеяли и баловали. А меня – нет. Меня это бесило!

– Это не так, Рэйчил! Довольно! Как ты можешь говорить такое сейчас? Сейчас, когда папа умирает. У него рак! – но та и бровью не повела. Только жадно откусила сочное, ярко-алого, почти кровавого цвета, яблоко и нервно спросила:

– Вы все думаете только о себе. А обо мне вы подумали? Зачем я вообще родилась?

– На это была воля Всевышнего.

– Скорее похоть наших родителей... А они спросили меня, хочу ли я появляться на этот свет?

– Странная беседа. Значит так, сестричка, вот что я тебе скажу. Ты – трудновыносива! Чего ты вообще добиваешься?

Та вдруг приникла, вжалась в спинку глубокого кресла и тоскливо попросила:

– Я хочу, чтобы ты согревала мои домашние тапочки, пока я здесь. А то они завянут и умрут от отсутствия внимания... И, если захочешь, можешь спать иногда в моей спальне. Я не против... Ты хоть немного любишь меня?

– Аллилуйя, Господи, аллилуйя – это ли не чудо? – радостно пронеслось в голове Эйрин. – В сестре как будто было несколько версий её самой, которые постоянно соревновались, поддаваясь воздействию то тёмной её стороны, видимо, более могущественной, то светлой. В эту минуту, похоже, на неё снизошло долгожданное, такое обнадеживающее, просветление, обнажившее её светлую грань восприятия жизни. И это было очень хорошим предзнаменованием.

– Я очень люблю тебя, Рэйчил! – радушно ответила она. – Ты ведь моя сестра!

– А я иногда думаю, что ты меня ненавидишь...

– Иногда я и правда начинала тебя ненавидеть. Но даже тогда я... тебя любила. Постой, дай-ка я тебя сфотографирую для папы...

Они обнялись, обхватившись руками и крепко прижавшись друг к другу.

– Ой, твои волосы зацепились за мою серёжку, – Эйрин, со смущённой улыбкой на лице, попыталась освободить от её растрёпанных чёрных волос свою позолоченную клипсу. Рэйчил, помогая Эйрин выпутать свои волосы, невольно обнажила шею, на которой, под завитками, пряталась круглая коричневая родинка величиной с горошину, такая нежная и кокетливая, она, несомненно, своим существованием сводила с ума немало искущённых мужчин.

– Никогда не поздно начать заново! Главное, что мы вместе, Рэйчил. У меня гора с плеч свалилась. Я так счастлива. Мир?

– Хм... Не уверена... – слегка заупрямилась та. – Скорее, только временное перемирие. Очень зыбкое... А помнишь, как я проучила тех негодяев в нашем пабе?

Эйрин, конечно, помнила ту крайне скандальную историю, которая грозила их семейному бизнесу очень тяжёлыми последствиями. Тогда Рэйчил помогала официантам в пабе. Дело было пятничным вечером и заведение было загружено под завязку.

– Я о тех двух новых клиентах, англичанах, сделавших заказ? Им, двум голубчикам, видите-ли, пришлось не по вкусу наша ирландская кухня!

– Помню, ведь я обслуживала их столик, – Эйрин было неприятно вспоминать об этом. – Именно в тот момент ты и появилась. И не дала мне сказать ни слова!

– Эти англосаксы были слишком спесивы и надменны, слишком горды, чтобы выпить со мной! Даже не обратили на меня внимания! Им, оказывается, было хорошо вдвоём! Пренебрежительно бросили на меня взгляд и... отказались платить за еду, которую умяли без остатка... те прекрасные свиные рёбрышки с соусом грейви, от аромата и вида которых текут слюнки... Сказали, что предпочитают вегетарианскую еду и потребовали «овощную поляну» за счёт заведения... Мой внутренний голос немедленно подсказал мне, как именно следует задать им тряску.

– И тогда ты их спросила, чем они занимаются...

– Да, эти вонючие, жалкие скряги работали архивными крысами в Лондонском Музее Современного Искусства, а в Бирмингем они приехали, чтобы провести романтический уик-энд...

– До сих пор не понимаю, как тебе пришло в голову предложить им, знатокам современного искусства, «шедевр современного кулинарного искусства»? Как ты посмела поднести им на тарелочке собственные фекалии в форме кренделя, назвав это «блюдо» шпинатным пюре? И весело пожелала им приятного аппетита! Я ещё очень долго буду не в силах теревить душу тягостными воспоминаниями. Скольких сил и средств стоило отцу замять то бесчинство!

А Рэйчил задиристо хохотала. Люди, находившиеся недалеко, стали коситься в их сторону. Одна почтенных лет дама, из посетителей, участливо закивала головой, видимо понимая, что иного поведения от обитателей этой лечебницы ожидать не приходится.

Внезапно прекратив свой хохот, Рэйчил выпучила свои чёрные глаза и как-то таинственно, заговорщически прошептала:

– Прислушайся! Ты слышишь голос?

– Голос?

– Да, Эйрин, голос! Это голос с небес. Ангелы. Они зовут меня... Мне надо идти... Оставь меня...

Обременённая тяжёлой душевной ношей, Эйрин смотрела ей вслед. Затем медленно добрела до своего бежевого Peugeot 307 и завела двигатель... Бросив прощальный взгляд на здание лечебницы, её глаза прочитали надпись над её главным входом: «Оставь надежду, всяк сюда входящий»... Она вздрогнула от кошмара, прежде чем поняла, что это ей померещилось.

Ночью ей явилась во сне доктор Джонсон. Её мужеподобная фигура с обнажённым гладким торсом хищно склонилась над кроватью, с которой на Эйрин жалобно смотрело, беззвучно

взывая к ней с мольбой о помощи, до смерти перепуганное лицо писателя Люка... Внезапно её ошеломлённые от изумления глаза столкнулись с дикими глазами доктора, которая ехидно прошипела, обнажив беззубые уста и отчётливо чеканя каждое слово:

– Я докажу тебе, рыжеволосая крошка Эйрин О’Брайен, что это – генетика! Оттого и не прощаюсь с тобой! До скорой встречи!

ГЛАВА 4. Артур и цыганка

Артур проснулся на рассвете. И тут-же зажмурил глаза. В них настойчиво целился лучик солнца, упрямо напоминая, что пора вставать. Он нехотя высунул руку из-под одеяла и взял наручные часы с кожаным ремешком. Только начало седьмого. До сигнала будильника оставалось ещё целых двадцать три минуты. Но этот непоседливый, совершенно неугомонный, тёплый лучик мягкого апрельского солнца продолжал его преследовать, облюбовав своей мишенью его сонные глаза...

Он встал и направился в ванную комнату. Совершая тщательные кругообразные движения щёткой по зубам ослепительной белизны, он задумчиво обозревал себя в зеркале:

– Скоро тридцать три. Но, к счастью, я ещё в форме, – успокоил он себя.

Из Зазеркалья на него смотрел высокий мужчина, стройный, с широкими плечами, демонстрирующими его крепкое сложение, с благородным светлым лицом и выразительными тёмно-синими глазами. Волосы его были светло-каштановыми, имеющими приятный матовый оттенок, и слегка вились от природы, что явно указывало на его аристократическое происхождение, точно так же, как каштановая или, что бывает чаще, чёрная волнистая грива у породистой белой лошади. Глаза его обрамляли красивые тонкие брови. Ещё выше находился открытый бледный лоб, на котором, только при внимательном наблюдении, можно было заметить следы неглубоких морщин, пересекавших одна другую. Нос прямой, с еле заметной горбинкой, говорил о его прямолинейном характере, склонном порой к мудрым компромиссам, а пижама, застегнутая только на две нижние пуговицы, позволяла разглядеть ослепительно чистое белье, изобличавшее привычки порядочного джентльмена, далёкого от всего показного, но любящего порядок, комфорт, свежий костюм и богатую библиотеку.

Заглянув в комнату напротив, Артур с нежностью поцеловал в лоб безмятежно спящую дочку и заботливо поправил ей одеяло. Из другой комнаты доносился громкий храп его тётушки. Спустившись этажом вниз, на кухню, он, со знанием дела, приготовил себе традиционный английский завтрак – из яичницы, тоста, жареной сосиски, помидора и грибов. Запил это крепким чёрным кофе и, облачившись в пальто по погоде и прихватив свой портфель, он, собранной своей походкой, вышел на улицу, двигаясь в красивой и непринуждённой манере. Ему хотелось прогуляться пешком и подышать чистым утренним воздухом, пока на город не опустился смог вперемешку с туманом. Торопиться было незачем, поскольку до начала рабочего дня времени было более чем предостаточно. Как раз накануне он, успешно пройдя жёсткий конкурс и всевозможные собеседования, наконец-то получил долгожданное и заманчивое предложение о работе в большой клинике с серьёзной репутацией. Нынче был тот самый первый день, когда ему предстояло вплотную приступить к исполнению своих прямых обязанностей в качестве нейрохирурга.

– Ты что, ослеп? Налетел на почтенную даму, чуть с ног не сбил! – на него, посреди тротуара, обиженно пялилась женщина солидного возраста с небрежно накинута на голову ярким платком. Она отвела в сторону свою правую руку, в которой держала зажжённую свечу, сверкая на солнце своими золотыми кольцами, украшавшими каждый её палец. Другая её рука придерживала большую вязаную сумку, что висела у неё за спиной.

Была она невысока ростом, но казалась высокой – такой тонкий стан мог быть только у танцовщицы. Или у бывшей танцовщицы. Она не была похожа на уроженку Альбиона, скорее на испанку. Кожа её была несколько смугла и отдавала каким-то чудесным золотистым оттенком. Её лицо, сохранившее былую красоту, было обрамлено иссиня-чёрными длинными, выющимися волосами, хотя, присмотревшись к ним, можно было заметить среди них немало седых. А широко и смело раскрытые чёрные глаза, сияющие в лучах всё ещё слабого утреннего солнца, указывали на ее бойкий и независимый характер, но в то же время, похоже, добрый

и справедливый. Всем своим видом она напомнила Артуру очаровательную Эсмеральду, героиню романа Виктора Гюго «Собор Парижской Богоматери», танцующую под рокот бубна, а точнее, актрису Джину Лоллобриджиду, давным-давно с триумфом сыгравшую эту роль. С той лишь разницей, что героине той было 16 лет, а атакующая его сейчас «Эсмеральда» была в уважаемом возрасте, и лет эдак на 40 старше... Как же мог он не заметить эту леди?

– Что застыл? – та бесстрашно сделала шаг в его сторону, словно вызывая его на поединок.

– Простите меня, мэм, – вежливо ответил Артур, слегка наклонив к ней голову и постарался было пройти мимо, но, похоже, женщина не собиралась так быстро сдаваться.

– Простить? И не подумаю! – бойко ответила она и горделиво выпрямилась, отчего её монисто из позолоченных монет и бляшек, бисера, бус, обработанных разноцветных камней и кораллов громко забренчало на груди, а ярко-красная юбка из шифона, длинная и расклёшенная, расшитая тесьмой и стразами, в такт её движению гармонично всколыхнулась, обнажив её босоножки на плоской подошве с ремешками, напоминавшими греческие сандалии и украшенные бахромой и пряжками. Если бы Артур не увидел её обувь, он мог бы с уверенностью подумать, что она босая.

– Я тут, видите-ли, исполняю священный обряд и пою «Джелем, джелем», а вам невдомёк. Или уши заложило? Идёте себе напролом. Вы меня испугали!

– Какой обряд, мэм? – машинально спросил Артур и тут же подумал, что всё происходящее – какая-то нелепая случайность, которая никак не должна его касаться...

– Известно ли вам, молодой человек, какое сегодня число?

– Да, мэм, 8 апреля... – он стал копаться в памяти, пытаясь вспомнить, не заметил ли он на своём стенном календаре в кухне какого-то праздника.

– Вот именно! 8 апреля! Хотя что я тебе объясняю? Всё-равно не поймёшь, – она, очевидно, решив с ним больше не церемониться, перешла в одностороннем порядке на «ты» и безнадежно махнула на него рукой. Но чувства Артура, этого английского джентльмена, были уязвлены.

– Постойте, мэм... я... прошу у вас прощения, что задел вас... я не хотел... – выговорил он и внезапно обнаружил, что не в силах отвести от неё взгляд, и поэтому поинтересовался:

– Что за день сегодня, мэм?

– Всемирный День Цыган! – произнесла она с нескрываемой гордостью, но в её голосе таились нотки огорчения. – Жаль, что ты не знал. Запомни этот день! – и она по-дружески хлопнула его ладонью по плечу.

Так вот она кто! Неужто цыганка? С ума сойти! Значит, он не ошибся, вспомнив цыганку Эсмеральду, хотя та и была рождена не от цыган, но воспитана ими. На ум сразу пришли воспоминания, услышанные им когда-то о необыкновенных способностях этого народа к злым чарам, о том, что никогда, ни при каких обстоятельствах нельзя смотреть цыганам в глаза и допускать их прикосновений к себе!

– Не бойся меня, – она словно читала его мысли. – Я не злопамятная... Так и быть, прощаю тебя! – её смуглое и доброе лицо было сейчас очень живым и озорным. Казалось, цыганка вот-вот высунет язык.

– Спасибо, мэм! – ответил он.

– Что ты заладил – мэм да мэм? Я ещё не так стара! Я Лили. Просто Лили, – представилась она и протянула полуобнажённую руку. – А кто ты?

– Артур. Артур Смит.

– Ты кто, стилист? – вдруг весело спросила она, оценивая его с головы до ног.

– Нет.

– Нет? – слегка удивилась она. – А руки-то у тебя точенные, лёгкие и очень чувствительные, хотя нервы ты имеешь стальные, а сердце львиное... Ну, лады. Так и быть, раз ты не стилист, значит гей?

– Прошу вас, мэ́м, выбирайте выражения...

– А что Лили сказала плохого? – она невинно развела руками. – Просто слишком уж ты воспитанный. И не сноб. А может и то, и другое вместе, признайся? Ладно, Лили шутит. Забудь. Я за равенство культур и религий. Увы, наше ханжеское современное общество ещё не скоро научится разделять мои убеждения...

– Купите ракушку. Купите ракушку! – мимо проходил неопрятный торговец, неся на груди перед собой лоток с маленькими речными и морскими ракушками причудливой формы. Завидев Артура, он остановился возле него и навязчиво затвердил:

– Купите ракушку, сэ́р! Ну купите! Она принесет вам удачу. – Артур, понимая, что отделаться от торговца будет непросто, спросил:

– Сколько? – и указал пальцем на ближайшую к нему небольшую розовую ракушку.

– Отдам всего за 5 фунтов, сэ́р, – ответил торговец, показывая свои желтые зубы.

– Грабёж и чистая обдираловка! – внезапно вмешалась Лили, вызываясь обратившись к нему. – Скажи своё имя, мужчина...

– А тебе какое дело до моего имени? – возмутился торговец, размахивая руками и брызгая слюной. – Ступай прочь, гадалка... Спасу от вас нет...

– СКАЖИ ТВОЁ ИМЯ... – медленно повторила Лили, не сводя своих глаз с мужчины и слегка покачивая головой, вмиг став похожей на грозного удава, гипнотизирующего лягушку, которая через мгновение добровольно, в полном смирении, прыгнет в его широко разинутую пасть. Артур был поражен тембром её глубокого голоса и её мощным, волевым взглядом, острым кинжалом вонзившимся в торговца.

– Мэ́тью... – ответил тот кротко. В его голосе странным образом зародилась бесконечная покорность...

– Имя у тебя библейское, – сказала она многозначительно, – и означает оно «божий дар», а вот цены-то безбожные! Ты что, думаешь, у людей деньги на деревьях растут? Помни о приличии. А сейчас – проходи мимо.

Тот, на удивление, послушно удалился, не сказав ни слова, лишь придерживал рукой дно своего переносного фанерного прилавка.

– Никогда не покупай ракушек, Артур! Они не приносят счастья... лишь приводят к разлуке... Помни, что Лили сказала, – цыганка было повернулась, чтобы уйти. Но случайно столкнулась носом с парнем в дырявых джинсах, помятой майке и старых кроссовках.

– Эй, джипси, погадай на картах! – дерзко, с наглой ухмылкой, пристал тот.

– Ты, воробушек желторотый! У тебя уже есть аттестат зрелости, детка? – посмеялась над ним Лили.

– Что? – выпад цыганки не на шутку разозлил его. – Да я тебя сейчас... – Артура показалось, что тот пытается броситься в драку, и он поспешил заслонить собой цыганку, но та покачала головой, приказывая не вмешиваться.

– Ну-ну, спокойно! – она выставила руку ладонью вперёд, как бы огораживаясь от парня. – Я заметила, ты уже большой мальчик. Слышишь, не подходи ко мне так близко. Я не собираюсь становиться мамой... Скажу всё, что вижу... только не мешай. Значит так, бьюсь об заклад, ты не всегда был верным муженьком! – она впилась глазами в его противную рожу.

– Что ты мелешь, старая ворона? Я тебя о чём спрашиваю? О себе мне и так всё известно... – было видно, что он привык, чтобы люди, ловя каждое сказанное им слово, исполняли любую его прихоть...

Услышав в свой адрес обидное прозвище, Лили не на шутку вскипела и запылала гневом:

– Ах, сукин ты сын! – она, своими точёными, но сильными руками, бесстрашно и храбро как львица вцепилась в его помятую майку, крича, – Мешок с дерьмом! Следи за словами! А то я тебе так врежу между ног...

Парень разом стал тише воды, опустил и весь сжался в комок, пугливо подняв глаза на цыганку, которая вдруг выпалила:

– Я не даю советов сексуально озабоченным! Извращенец! Мотай отсюда куда шёл! А то я всем расскажу, что ты носишь стринги и балдеешь, когда тебя хлещут плетью по мягкому месту...

Артур видел, как тот шарахнулся в сторону и вмиг исчез. Он смотрел на всё это действие как замороженный. А Лили, подмигнув ему, бессильно произнесла:

– Сами носят дырявые джинсы, а потом удивляются, откуда я знаю, что на них стринги, – естественный румянец от возбуждения пробивался сквозь смуглоту её кожи. – Фу, выдохлась. И вот так каждый день... Не жалуют тут нас... Но ничего, зато внесла свой посильный вклад в торжество справедливости. Правда, расплачиваюсь теперь за это головной болью. К гадалке не ходи, подскочило давление. Ты это, Артур... ты не сердись на меня за «гея». Я ведь дурачилась. Лучше помоги мне, ты ведь доктор, не так ли?

Он пощупал ей пульс и полез в портфель, в котором всегда держал маленькую кожаную аптечку с набором самых необходимых средств первой медицинской помощи на все случаи жизни. Разжевав таблетку, спустя пару минут, на него смотрели уже другие глаза – спокойные и благодарные...

– Ты спас мне жизнь, Артур! Я вижу, ты хороший человек...

– Но вы знаете меня только 20 минут.

– Мне и пары секунд было достаточно, чтобы понять, что ты не способен даже горелую спичку украсть...

– А что ещё вы увидели? – зачем-то любопытствовал он.

– Сердешный, я вижу, что тебе многое пришлось перенести... – её взгляд в эту минуту был такой, что Артур почувствовал – цыганка смотрит внутрь его самого. А та продолжала:

– Но ведь жизнь продолжается... А ещё... ещё ты любишь уединение и музыку, а телевизор смотришь, лежа на диване, – всё то, что она сказала было правдой и Артур был ошеломлён ее удивительной прозорливостью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.